

ПОДНОГОТНАЯ

ОКСАНА ПУШКИНА

— Оксана, так что же случилось?
 — Около года назад я захотела стать еще красивей — нехирургическим путем убрать носогубные складки. В общем, то, что придает нам усталый вид. В моей профессии важно выглядеть хорошо, и, конечно же, я делаю для этого все.
 — Давайте сразу внесем ясность: что представляет собой эта процедура?
 — Это инъекция. Чтобы убрать мимические морщины, колот ботекс; носогубные складки — как правило, нечто вяжущее. В моем случае препарат назывался рестилайн-перлайн. Мне порекомендовали женщину, доктора из очень известной клиники. Я могла приехать к ней, но, знаете, так не хотелось, чтобы на меня глазели, шушукались за спиной. И, узнав от своих знакомых — известных певцов, композиторов, адвокатов и политиков, — что эта дама может и домой приехать, решила пригласить ее к себе. Она приехала, все сделала нормально. А через три недели у меня возникли первые сомнения: вроде и нет морщин на лице, но что-то не так. Но я отгоняла от себя грустные мысли, уехала в отпуск. И вот тут началось необъяснимое: какие-то прыщики на коже появились, какие-то бугорки. Но самое страшное — носогубные складки стали в прямом смысле черного цвета. В конце августа возвращаюсь домой, вызываю доктора, который мне делал инъекцию, говорю ей: у меня проблемы. Она пытается исправить ситуацию, колет мне разные уколы — ничего не помогает. Потом человек просто исчезает. А я понимаю, что попала в жуткую ситуацию.
 — В последнее время вас крайне сложно заставить в Москве. Вы обращались к западным хирургам?
 — Да. Я поехала в Стокгольм — именно там производится рестилайн-перлайн. Нашла двух самых популярных хирургов, мне сделали биопсию. И выяснилось, что там совсем не тот препарат, который мне якобы вкалывали.
 — А какой же?
 — Называется артикол. Объясню, в чем разница. Артикол — это гель, силикон — то, что колот женщинам в грудь, и губы... То есть препарат, который до смерти не рассасывается. Но нос у нас дышит. В этот гель добавляют еще и артипласт, иначе говоря — микропластика. От этого препарата давно уже отказались: удерживая себя пластическим хирургии по всему миру. Тут у меня, естественно, возникает вопрос: как в ампуле, которую я видела своими глазами, крутила пипеткой и на которой было написано "рестилайн-перлайн", оказался артикол? Это первая загадка. И еще: я поехала на завод "Q-MED", где производят этот препарат. Решила выяснить, как он выглядит и вообще каким образом попадает в нашу страну. Встретилась со специалистом. Он только посмотрел на меня, сразу сказал: "Это не наш препарат, точно — таких реакций у нас не бывает, — и потом добавил: — Давайте, я вам покажу, как эта процедура должна выглядеть". Смотрю: пакетик точно такой же, беленькими буквами написано название. Он его вскрывает, и тут я вижу, что рестилайн — он изначально уже в шприцах. На кончике иглы наклеена бумажка со штрих-кодом, по этому штрих-коду узнают все — вплоть до имени фармацевта, разливающего препарат по шприцам. Дальше он мне говорит: "Доктор должна была снять эту бумажку и при-

Она рассказала более трех сотен историй о судьбах знаменитых женщин. Почти в каждой присутствовали слезы, боль, трагедия. А теперь и сама попала в историю. Мягко говоря, весьма неприятную. Последний год превратился для Оксаны Пушкиной в сущий ад. Попытка чуть приукрасить собственный лик — и именно воспользоваться услугами косметолога и сделать так называемый укол красоты — обернулась для популярной телеведущей настоящей катастрофой. Теперь Оксана вынуждена накладывать толстый слой грима, чтобы скрыть от посторонних глаз свое истинное лицо. Которое, к сожалению, почти безнадежно испорчено.
 — Я поддала в суд на компанию, распространяющую нелегальные препараты-подделки для эстетической хирургии, и на доктора, который меня изуродовал, — такими были первые слова Пушкиной, когда своим звонком мы застали ее в Америке.

клеить ее в журнал посетителей. То есть, если кто — мы знаем, к кому обратиться".
 — В вашем случае все было не так?
 — Вот именно. Западные хирурги мне сразу сказали: "Девушка, вы попали в историю, при которой выживают, но гарантии никто не дает, что: а) вы останетесь в профессии и б) что у вас рожу не перекосит". Посоветовалась с нашими, те говорят: "Да, конечно, артикол — это звал, по большому счету это не лечится. Мы можем вводить препараты гормонального содержания, которые будут рассасывать опухоль, но артепласт — он и в земле-то сто лет расщеп-

Доктора из клиники пластической хирургии Пушкиной порекомендовали ее знаменитые подруги.

Телеведущая до пластических операций.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ ПУШКИНОЙ
 "Укол красоты" сделал меня несчастной"

ляется". То есть это как пуля. Но с пулей еще можно жить, потому что ее ткань обволакивает. А этот гель покрыл мне нервные сплетения, глубоко проник в кожу, сросся с ней. А значит, огромную часть тела нужно вырезать. Причем снаружи — изнутри это делать нельзя. Тогда я буквально за грудки схватила наших хирургов: "Ребята, а к вам вообще приходят такие, как я?" Их ответ меня потряс: "Да в месяц по четыре-пять женщин". Мне показали этих женщин. Знаете, я увидела такое, что словами просто не передать. С жутчайшими губами — таких уродов можно встретить только в кунсткамере. Или те, которым кололи ботекс, чтобы убрать мимические морщины... Как бы это объяснить. Как будто осы покуса-ли, а на лице образовались свищи, и оттуда идет гной. Я была в шоке — красивые женщины, они по три года не выходят из дома... И поняла, почему ко мне хирурги отнеслись еще несколько снисходительно: при грамотном гриме и умении себя подать мой дефект не так уж заметен.
 — На общем вашем самочувствии это как-то сказалось?
 — Конечно. Ведь уголовное дело не заводят просто так. Уголовное дело возбуждали за то, что действия врача и людей, которые распространяют эту нелегальную продукцию, ведут к потере здоровья. Помимо того что я очень много потеряла чисто финансово — ведь ни одна косметологическая компания теперь контракт со мной, конечно, не заключит, а это были серьезные деньги. Я до сих пор на медикаментах, до сих пор на гормональных препаратах, на антибиотиках. Иностранное тело — это ведь бесконечные инфекции. И чем быстрее я решусь на операцию... Но, как говорят хирурги, лучшая операция — та, которая не сделана. И поэтому, конечно, сомнения, конечно, психандроз. Одно спасает — профессия, я ведь умудряюсь еще что-то делать.

— Оксана, вы ведь не в первый раз обратились к пластическим хирургам?
 — Второй. В сорок лет я убрала мешки под глазами. Это как раз хирургический способ — самый надежный: из-под век вытаскивают грыжи, которые придают усталый вид, — и все. Конечно, думала: лет в 50—60, может, я и подтянусь. Но не сейчас — у меня в общем-то и так хорошее лицо, мучили только эти усталые носогубные складки.
 — Чтобы выглядеть хорошо, грима теперь приходится много накладывать?
 — В обыденной жизни я никогда косметикой не пользовалась — только на съемках. Но теперь, к сожалению, я должна каждое утро подходить к зеркалу и в обязательном порядке гримироваться. Конечно, не как Олег Попов, но все же. А вообще, внешность — фигня, главное, что внутри происходит. Это опаснее всего. Ведь препарат не только не рассасывается, а уже приобретает какие-то формы. Чтобы было понятно — он просто встал колом.
 — Но голос у вас бодрый. В данном случае, наверное, это самое главное.
 — Ну что делать, я же не могу заколотить себя в гроб.
 — Можно ведь и совсем отчаяться, упасть духом.
 — Я уже падала, был у меня депрессон, не скрою. Но вообще я — кошка, гуляющая сама по себе, свои проблемы привыкла решать самостоятельно. Сейчас спасаюсь физкультурой: тупо абсолютно истязая себя в спортивном клубе. Чтобы не думать ни о чем, а заводно и иммунитет поддерживать. Врачи мне так и сказали: сейчас все будет зависеть от твоего иммунитета — насколько он выдержит. Нет, я не могу унывать, ведь на меня смотрит мой ребенок...
 — Кстати, как домашние? Переживают?
 — Безумно переживают, потому что видят меня каждый день без грима. И каждое утро мы начинаем с того, что муж и сын меня разглядывают: не изменилось ли что. Но тут, к сожалению, на чудеса рассчитывать не приходится. Совершенно очевидные вещи — биохимические процессы. Яд, понимаете?
 — Но какой выход?
 — Только операция. Я объездила все культовые клиники, где пациенты — сплошь звезды, люди, которые не смотрят на преискурант. И все пластические хирурги в один голос говорят: мы вам дико сочувствуем, но иногда, чем оперативное вмешательство, в вашей ситуации быть не может. А все эти скороспелки-хирурги, которые меня уверяют: ой, да мы уколами лечим... Одно лечим, другое калечим. Да, можно лечить гормональными препаратами. Но дураку понятно, что тот препарат, который оказался внутри меня, никакие гормоны не рассосут. Советчики эти раз-

дражают дико — у меня такое впечатление, что теперь я больше знаю, чем любой пластический хирург. В общем, одно могу сказать: бросаю телевидение и буду заниматься эстетической хирургией. (Смеется.) Другого выхода нет.
 — Да к тому же это, наверное, еще и прибыльней?
 — Это не просто прибыльней, это — офигенный бизнес. Как нефть и газ на сегодняшний день. Представляете: укол стоит от тысячи долларов, их нужно повторять каждые полгода. Ладно бизнес — сколько судеб покалечено. Вдруг я узнаю, что одна моя приятельница — очень известная женщина, которая, конечно же, про себя этого никогда не расскажет, — сделала укол в Швейцарии и у нее точно такие же проблемы. В Америке, как я выяснила, тоже масса подобных случаев. Грандиозные скандалы: многих врачей уже арестовали, по другим делам ведется следствие. Жону известного продюсера Ларри Кинга колотили и носогубные складки, так у нее оказался даже не артикол, как у меня, а вообще какое-то непонятное варено. Врачу дали 30 лет. А в России это вообще может стать национальной бедой — на наш рынок все поступает нелегальным путем. Мне сейчас звонят врачи, говорят: "Оксана, мы уже боимся колоть — ведь у тех же людей покупали продукцию". А сколько такого дерьма варится в Подмосковье! Вот только Минздрав наш, похоже, это абсолютно не трогает...
 — Оксана, вам сейчас лучше о себе подумать. Каков план действий?
 — Не знаю. До июля лечь под нож я не могу — сезон надо доработать. А в июле все пластические клиники закрыты — операции не рекомендуются делать летом: жара, инфекция. Так что либо в августе, либо приму решение кардинальное — буду ждать, пока все это не воспалится.
 — Доктора обещают стопроцентный положительный результат?
 — В том-то и дело, что нет. Задействовано два нерва, один из которых отвечает за мимику, а другой за глаз. Вот это главное, из-за чего боюсь ложиться в клинику. А пока что я возбуждала уголовное дело. В МВД меня сразу спросили: "Вы пойдете до конца?" А это ведь и допросы, и очные ставки, это и международный процесс — Швеция, их министерство внутренних дел, которое трясет сегодня завод "Q-MED". Понимаете, я взбудоражила муть. И хочется по факту: а) чтобы все-таки закон о медицинской ответственности заработал. Когда я пришла к Генри Резнику и спросила: "Будете меня защищать на процессе?" — он отпустил: "Ой, такое дело сложное. Я зуб себе лечил, и мне там что-то напортачили. Потом пытался из этого сделать процесс, мне не удалось — у нас не работает закон о медицинской ответственности".
 — Это первое. А второе?
 — Второе — мы можем носить контрафактные джинсы, куртки, даже игрушки покупать — хотя говорить об этом кощунственно. Но медикаменты?! Сегодня же любой эмигрант может приехать в нашу страну, найти во властных структурах человека, предложить ему долю в бизнесе, и дальше все пойдет как по маслу. Гонят они из Китая все это дерьмо, а мы это дерьмо покупаем... Я могла засудить тетеньку, которая мне сделала укол. Могла даже поставить ее к стенке и сказать: платите за свою профнепригодность. Но дело не в этом. Я самодостаточный человек, популярный, всех денег не заработать — надо уже что-то для страны сделать. Поверьте, это не просто красивые слова. Выражаясь вульгарно, "пакуюсь" я ради тысяч женщин. Многие из которых годами копят на этот "укол красоты", а получают взамен развороченные морды. Ради них я пойду до конца.

Дмитрий МЕЛЬМАН.